

*ПРИЛУЦКИЙ Александр Михайлович, доктор философских наук, заведующий кафедрой истории религий и теологии Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург). Автор более 100 научных публикаций, в т. ч. 4 монографий и 4 учебников**

СЕМИОТИКА РИТУАЛОСФЕРЫ ЦАРЯ-СТРАСТОТЕРПЦА ПАВЛА ПЕТРОВИЧА В КОНТЕКСТЕ ЦАРЕБОЖНИЧЕСКОГО МИФА

В статье приведены результаты структурно-семиотического анализа культа императора Павла I в современном маргинальном православии. Культ императора Павла соотносится с умеренной формой современного царебожничества, и в этом заключен особый исследовательский интерес. В работе представлены оригинальные мифологемы и теологемы, позволяющие охарактеризовать различные уровни семиотики царебожничества. Проанализирована специфика семиозиса культа императора Павла и его роль в формировании царебожнического дискурса как такового. Автор раскрывает структурные отношения теологем и мифологем «павловского мифа» в контексте дискурсов почитания царя Ивана Грозного, императора Николая II и «железного императора» (метафора из неканонического тропаря Иосифу Великому, т. е. И.В. Сталину). В связи с этим выявляются специфика символических структур павловской ритуалосферы на основании анализа текстов неканонических акафистов и специфика агиологического статуса императора Павла в маргинальном православии. Автор показывает, что в ритуалосфере современного маргинального православия сформировались новые аксиологические установки (они совмещают элементы мифологем и теологем), определяющие особый статус царской святости. В их свете святость почитаемых правителей не столько задается соответствием их жизни и смерти традиционным православным агиологическим нормам, сколько фактом наличия царского сана. При этом формируется представление о том, что святость царя является априорным качеством, а любое действие, направленное против личности царя, оказывается формой богоборчества.

Ключевые слова: император Павел I, маргинальное православие, современное православие, царская святость, царебожничество.

*Адрес: 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48, корп. 20; e-mail: alpril@mail.ru

Для цитирования: Прилуцкий А.М. Семиотика ритуалосферы царя-страстотерпца Павла Петровича в контексте царебожнического мифа // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 4. С. 129–138. DOI 10.17238/issn2227-6564.2018.4.129

Термином «царебожничество» обозначается направление в рамках маргинального православия, которому свойственна особая сакрализация монархии, проявляющаяся в представлениях об исключительности религиозного подвига Николая II, прославляемого адептами в качестве «царя-искупителя». В настоящее время научное осмысление данного явления находится в начальной стадии, поэтому библиография исчерпывается несколькими статьями. М.Е. Плякин анализирует ритуальные аспекты царебожнического дискурса [1], А.В. Митрофанова рассматривает интересующее нас явление как разновидность «политического православия» [2], А.И. Зыгмонт преимущественно исследует царебожническую эсхатологию [3], Т.В. Чумакова – идеологемы царебожнического движения [4], Е.В. Никольский ищет исторические параллели [5]. Отчасти затрагивается данная проблема в публикациях Б.К. Кнорре [6], С.Б. Филатова [7], К.Н. Костюка [8] и др.

При этом специальные религиозоведческие исследования, посвященные анализу специфики культа Павла I Петровича, отсутствуют, а публикации апологетического и агиографического характера, образцом которых выступает популярная среди адептов царебожия монография Андрея Хвалина «Пасха Императора. Материалы к житию Царя-мученика Павла I Петровича», адресованная, как отмечено в аннотации, «почитателям памяти Павла I и всем взыскующим исторической правды о великой России и ее Державных правителях» [9], концептуально не являются научными.

Отчасти такая ситуация обусловлена тем, что почитание Павла I Петровича не носит столь же выраженного характера и не приобретает таких же ярких, гипертрофированных форм, как почитание «царя-искупителя Николая II» или «царя-мученика Иоанна Грозного»; соответственно, его сложнее рассматривать в качестве показателя принадлежности к маргинальным православным

субкультурам царебожнического паттерна. Оставаясь неканоничным, сам феномен почитания царя-страстотерпца Павла Петровича не представляется однозначно неприемлемым с точки зрения православного понимания святости, что и отличает его от иных царебожнических культов. Бесспорное личное благочестие, желание быть «образцовым монархом», руководимым Богом, а также отмеченное исследователями стремление к «упорядоченности», свойственное мировосприятию Павла [10, с. 344–345], равно как заявляемый почитателями «скромный агиологический статус» страстотерпца, свидетельствуют в его пользу. Будучи сравнительно мягким выражением царебожнической идеологии, в рамках которой «локальный» павловский «космиургизм»¹ соотносится с мифологемой об императоре как космократоре, героически борющемся с антихристовыми силами хаоса и разрушения и тем самым поддерживающем «сакральный космос Святой Руси» [3, с. 140], почитание императора Павла находит сторонников и за пределами царебожнических дискурсов, среди широких слоев православных монархистов.

Как было отмечено выше, культ императора Павла, если рассматривать его в контексте царебожнической субкультуры, оказывается заслоненным более яркими культурами Иоанна IV Грозного и «царя-искупителя Николая II». Однако именно в этом, как нам представляется, и состоит главный исследовательский интерес. Сопоставление того, что мы можем условно обозначить как «мягкое царебожие», проявляющееся в почитании императора Павла, и «гипертрофированное царебожие», связанное с почитанием «царя-искупителя» и Ивана Грозного, поможет раскрыть структурные компоненты царебожнической мифологии, которая еще недостаточно изучена [3].

Сопоставление ритуалосферы трех неканоничных святых – «царя-искупителя Николая»², «царя-мученика Иоанна» и «царя-страстотерпца

¹Речь идет о намерениях императора Павла преобразовать резиденцию в Гатчине в образец целесообразности, порядка и регламентации.

²Неканоничность почитания Николая II в субкультурах царебожников обусловлена присвоением ему совершенно неканонического агиологического статуса «царь-искупитель», тогда как в каноническом православии Николай II почитается в ранге страстотерпцев.

Павла» – позволит проанализировать на семиотическом уровне специфику царебожнической субкультуры и выявить основные тенденции соответствующего семиозиса. Использование современной методики семио-герменевтических религиозно-исследовательских исследований [11] представляется вполне релевантным данной задаче.

Агиологический статус Павла, оставаясь плохо формализуемым, чаще всего в дискурсах ритуалосферы определяется как «царь-страстотерпец», однако вопреки ожиданию тема непротивленческой смерти, обязательная для агиологии страстотерпцев, в базовых текстах представлена очень скромно. К таким немногочисленным примерам можно отнести достаточно общие, лишенные конкретики описания, содержащиеся в двух акафистах Павлу: 1) «обольщенных христоненавистников – изменников-убийц в полумраке твоея, святыи Царю, опочевальни в мирном духе встретил еси и насильную смерть от руки их приял еси»³ и 2) восходящая к вполне каноничному акафисту св. мученику Вонифатию, слегка перефразированная аллегория: «Стена крепкая, козньми врага неодоленная, пребыл еси до конца, благоверный Царю-Мучениче Павле, егда отъ обезумевшихъ подданных твоих избиение тяжкое и смерть лютую приял еси»⁴.

Строго говоря, канону святости страстотерпцев соответствует только первая цитата, в которой представлены метафоры сознательного непротivления: царь «в мирном духе встречает» убийц и принимает от их руки смерть. Во второй цитате царь принимает смерть скорее как мученик, а не страстотерпец; соответственно, акцент делается не на ее добровольном характере (последнее тем не менее имплицитно присутствует), но на тяжести предсмертных страданий и злодеянии изменников-убийц. Использование эпитета «обольщенные» в первом

фрагменте не случайно. Дело в том, что сам по себе факт убийства, даже и жестокого, не может быть основанием для почитания убитого в качестве святого. Для агиологии страстотерпчества существенным являются мотив убийц, жертвой которых стал святой, общий религиозный контекст сопряженных событий. Соответственно, для обоснования культа императора Павла необходимо превентивно дискредитировать общепринятую версию о том, что император пал жертвой типичного дворцового переворота, не имеющего какого-либо религиозного значения. Поэтому вопреки исторической достоверности (историкам ничего не известно о фактах особого нечестия и безбожия убийц императора Павла, а принадлежность их к масонству следует интерпретировать в тогдашнем социокультурном контексте) составители акафиста демонизируют убийц императора, изображая их «обольщенными христоненавистниками».

Семантика эпитета «обольщенный» в контексте павловской ритуалосферы может интерпретироваться на двух уровнях. Первый уровень можно определить как буквальный: в этом случае эпитет прилагается к людям, осознанно действующим в рамках антихристианского поведения, например к воинствующим безбожникам постреволюционного времени, взрывающим храмы и сжигающим иконы. Второй уровень семантики можно определить как метафорический: в этом случае эпитет применим к тем, кто в своей ненависти к императору уподобился крайним безбожникам, злодеям, тем, кто «ненавидит самого Христа».

Контекст не позволяет однозначно разграничить эти значения, однако такая смысловая амбивалентность принципиальна: она представляется частью реализуемой семиотической стратегии. Для демонизации царубийц составители акафиста апеллируют к масонскому конспирологическому мифу. При этом обращение

³Акафист Святому царю и страстотерпцу Павлу Первому. URL: http://akafist.narod.ru/P/Pavel1_3.htm (дата обращения: 20.12.2017).

⁴Акафист царю-мученику Павлу I // Золотой корабль. Православная библиотека. URL: http://www.golden-ship.ru/publ/cari_gosudarstva_rossijskogo/paveli/akafistcarjumuchenikupavlui/18-1-0-53 (дата обращения: 20.12.2017).

к масонской конспирологии делается вполне открыто, например: «Радуйся, о темени силы масонския в дни апостасии в видении открытый»⁵. Подобные апелляции дают возможность наделить анализируемый эпитет вполне реальным содержанием: в дискурсах царебожничества масоны четко и последовательно ассоциируются с христорборческими силами, масоны не просто «враги», но прежде всего «враги Бога» (поэтому естественно, что масонские симпатии некоторых российских императоров, в т. ч. и самого Павла Петровича, последовательно игнорируются).

С этим семантическим полем связано представление об убитом и оклеветанном праведнике, вполне приложимое к религиозной интерпретации образа Павла Петровича, причем ее контуры начинают формироваться на уровне народной религиозности вскоре после убийства императора. Действительно, негативное отношение к павловским реформам было распространено не среди широких народных масс, но среди части аристократии, офицерства и чиновничества, что проявлялось в т. ч. и в семиотически значимых действиях: «...именно доведение до абсурда реформ в области символики было главной задачей антипавловской оппозиции и инструментом формирования устойчивого мнения о психической ненормальности императора» [12, с. 16]. В народных же массах антипавловские слухи популярностью не пользовались, отношение к императору было вполне одобрительным: «...среди простых людей <...> распространился слух, что императора Павла удушили “генералы да господ” за его справедливость и сочувствие к народу» [13, с. 49]. Наряду с этим метафорическая интерпретация вышеприведенного эпитета дает возможность включить

почитание императора Павла в царебожнический дискурс, поскольку в данном случае сам факт цареубийства интерпретируется как покушение на жизнь помазанника Божия и таким образом – опосредованно – как богоборческий акт.

Принципиальная амбивалентность семантики эпитета позволяет расширить пространство соответствующего семиозиса через соотнесение почитания императора Павла не только с популярным конспирологическим масонским мифом, но и с царебожническим дискурсом как таковым.

Последняя задача в рамках реализуемой стратегии представляется наиболее актуальной и значимой, поскольку вся прагматика почитания Павла Петровича обретает смысл именно в контексте царебожнической идеологии: его культ используется прежде всего для фундирования почитания Николая II в качестве «царя-искупителя». Именно поэтому неканонические акафисты Павлу Петровичу, апологетические статьи «об оболганном масонами царе Павле»⁶ публикуются на царебожнических интернет-ресурсах «Русский монархист», «За веру, царя и отечество», «Москва – Третий Рим», последовательно развивающих доктрину о «царе-искупителе Николае II». Для обоснования такого исключительного и совершенно нетипичного для православной традиции агиологического статуса желательны своего рода исторические прецеденты, аналогии, которые могут использоваться адептами для доказательства того, что «теологема о царе-искупителе» традиционна. Ведь коль скоро у «царя-искупителя» были символические предшественники – другие монархи, а сами контуры теологема формировались на протяжении столетий, то особый агиологический статус Николая II уже не выглядит провокативно модернистским.

⁵Акафист Святому царю и страстотерпцу Павлу Первому.

⁶См., например: «И все то хорошее, что проявилось в нашей дальнейшей истории, имеет свои корни в личности императора Павла и его реформах, упорно замалчиваемых предвзятыми и либеральными историками. Трагические судьбы императоров Павла I и Николая II очень схожи в том, что оба эти царя – глубоковерующие, благородные и честные, любящие свою страну и свой народ, – были окружены средой, пропитанной ядом либерализма и богоотступничества». Подробнее: Святой царь-мученик Павел I. URL: <https://zaweru.ru/news/2891-svyatoy-car-muchenik-pavel-i.html> (дата обращения: 20.12.2017).

В свете сказанного становится понятной семиотическая цепочка метафор, представленных в акафистах Ивану Грозному, Павлу I, Николаю II, Григорию Распутину:

Павел Петрович – «икона Царя-искупителя»,
Царь-искупитель – «икона Царя-Христа»,
Царь Христос – идеал «царской святости».

Поэтому строки акафиста «яко ангела утешения народу Своему явил еси, в образ брани грядущих дней апостасии, в образ жертвенного служения и последнему русскому Царю в благодатное утверждение»⁷ не являются «чистой поэтикой» – перед нами выраженная метафорами начальная стадия раскрытия царебожнической теологемы. Тем самым Павел Петрович как «образ», т. е. «икона», последнего царя, наделяется особым агиологическим значением: «святой царь» больше, нежели «обычный святой». Кстати, вероятно, именно поэтому известная неопределенность агиологического статуса всех троих «неканоничных святых» царей, проявляющаяся в смешении агиологических рангов – «мученик», «великомученик», «страстотерпец», «царь-искупитель», не особо беспокоит адептов царебожничества. Истинный статус святых царей обеспечивается их царским достоинством: святость царя состоит в том, что он страдает за грехи всего общества во имя достижения главенствующей в сознании народа идеи общественной пользы [14, с. 13].

Утверждения об «иконичности» подвига последнего русского императора, последовательно фиксирующиеся в царебожнических дискурсах, безусловно, не являются случайными⁸. Таким образом происходят формирование

и литургическая интерпретация одной из базовых теологем царебожничества: православный царь обладает особой сакральностью, поскольку в силу своего царского сана оказывается символической проекцией Царя-Христа. Следовательно, всякое «цареборчество» для этого дискурса есть одновременно и богоборчество. Подобная идеология представлена в акафистах Николаю II. Ограничимся наиболее показательным примером: «...да уразумеют людие Российские, яко Самодержавный Царь Православный есть живой образ Христов на земли, егоже Небесный Царь царей в сослужение Ему избрати благоизволил еси»⁹.

Данная теологема оказывается в плане семиотики весьма продуктивной. Она позволяет формировать семиотические системы, которые обеспечивают включение различных сакрализуемых царебожниками деятелей русской истории в пространство царебожнического мифа и одновременное включение их в пара-новозаветный контекст. Строятся эти семиотические схемы примерно по одному типу: вначале определяется некий символический аналог «царя-искупителя Николая II» (наряду с императором Павлом им может быть любой «мученик», на которого так или иначе распространяется сакральность власти: Иван Грозный, «царский друг» Григорий Распутин и даже И.В. Сталин), далее он соотносится с «царем-искупителем», который, в свою очередь, семиотически сближается с Царем Христом.

Семиотическая структура подобных конструкций оказывается достаточно сложной. Как показали наши исследования, на категориальном

⁷Акафист Святому царю и страстотерпцу Павлу Первому.

⁸См., например: «Подвиг Государя Императора Николая II — есть икона искупительного подвига Господа нашего Иисуса Христа». Подробнее: Искупительный подвиг Царя-мученика Николая II. URL: <http://www.ruskmir.ru/2014/07/iskupitelnyj-podvig-carya-muchenika-nikolaya-ii/> (дата обращения: 20.12.2017); «Государь Николай Александрович Своим земным подвигом и служением уподобился, сотворил икону, Искупительного Подвига и Служения Господа нашего Иисуса Христа. Наш Государь, как Помазанник Божий, Своим Лицом и Саном Царским есть живая икона Господа, Царя Сил». Подробнее: Важно осознание Святого Царя Николая II Искупителем. URL: <http://www.pokaianie.ru/article/feat/read/37371> (дата обращения: 20.12.2017).

⁹Акафист Григорию Распутину. URL: <http://blagosvet.ml/akathist-grigory-rasputin/> (дата обращения: 20.12.2017).

уровне смысла данных концептов решается задача интерпретации реальных *исторических фактов*, «подгоняющая» их под канон святости. На субкатегориальном уровне заявляется *агиологический статус* «неканонических святых»¹⁰, а на гиперкатегориальном – выстраиваются символические *параллели с «царем-искупителем»* и развиваются различные эсхатологические коннотации¹¹.

Если для культа Павла Петровича основным является категориальный уровень смысла, обособывающий почитание этого императора и решающий ряд апологетических задач, то для царебожнической семиосферы как таковой основным окажется гиперкатегориальный уровень. По этой причине литургическое выражение святости императора Павла включает преимущественно два указанных уровня. Субкатегориальный уровень смысла особой роли не играет, о чем свидетельствует отсутствие ясности в вопросе об агиологическом статусе Павла Петровича: он прославляется и как царь-мученик, и как страстотерпец, и как великомученик.

Вообще, стоит отметить, что данная проблема является характерной и для почитания других святых царебожнического культа: их личная святость, а именно она получает выражение в агиологическом статусе, в меньшей степени интересует адептов, нежели своеобразная прецедентность («святой царь»), легитимирующая основной культ «царя-искупителя Николая II». Отсутствие последовательности

в использовании ангионимов и агиологических терминов характерно и для ряда вполне канонических культов, но в этом случае данная проблема обретает особую остроту. Отметим, что в недрах семиосферы уже начинает формироваться представление о том, что агиологический статус «святого царя» выступает как родовой по отношению к традиционным агиологическим рангам. Соответственно, «святой царь» может сочетать различные агиологические компоненты: мученика, чудотворца, великомученика, страстотерпца и «искупителя» в некоем нерасторжимом континууме «царской святости». Это проявляется в фиксируемом нами полном ангиониме Николая II: «Святой мученик и чудотворец Царь Николай, искупитель народа русского, от жидов убиенный»¹².

В семиотическом отношении наибольшую сложность вызывает интерпретация гиперкатегориального уровня смысла теологемы сакрального характера царской власти применительно к культу Павла Петровича. Поскольку основная задача этого уровня – обосновать почитание не Павла Петровича, но Николая II, то на гиперкатегориальном уровне интерпретации данной теологемы выстраиваются коннотативные связи «Павел Первый – Николай Второй»¹³.

Для этого используется апелляция к легендам о монахе-прозорливце Авеле, якобы пророчески открывшем Павлу I судьбу династии. Согласно легенде, император Павел завещал

¹⁰В условиях отмеченной нами неопределенности агиологического статуса, проявляющейся в смешении различных чинов святости, именно субкатегориальный уровень оказывается наименее развитым.

¹¹Категориальный уровень соответствует ядру семантики понятия, субкатегориальный – конкретизирует категориальное значение в соответствии с контекстом и семиотической прагматикой, а гиперкатегориальный – формирует символические значения. См.: [11, 15].

¹²Соответствующие источники описаны и проанализированы в статье: [16].

¹³«Радуйся, [император Павел] царя Николая и царицу Александру, с благоверными чадами их, примером своим укрепивый». См.: Акафист царю-страстотерпцу Павлу I. URL: <http://newrussvt.ru/akafist.htm> (дата обращения: 20.12.2017); «Царюю Николаю о Христоподобном подвиге искупления пророчествуя, обетование о благословении Божим над Царством Русского Самодержца своим наследникам остевивый, Святый Императоре Павле, за веру и ревность Христу от богоборцев пострадавший». Подробнее: Тропарь святому императору Павлу Петровичу. URL: http://www.ic-xc-nika.ru/texts/Alexandrov_M/Molityvy/Molityvy_protivu_vragov_Boga_Tsary_i_Rossii.html (дата обращения: 20.12.2017).

через сто лет после своей смерти открыть некую шкатулку, в которую он поместил записанное пророчество монаха Авеля, касающееся судеб династии и России, что и было сделано в свое время императором Николаем II. Прагматическое значение данной легенды состоит в возможности дискурсивного сближения двух императоров, причем в рамках дискурса, претендующего на историчность. Поэтому акафист содержит следующий любопытный пассаж: «Разум небесный даровал еси тебе Господь, устами святого Авеля о неизменности воли Божией пред царями и народами тихо открыл еси: где татары, где поляки, то и с игом жидовским будет – в беседе ты и последнего Царя укрепляй и о грядущей мерзости заупустения в Доме Пресвятей Богородицы – месте святем пред Богом, открываяй»¹⁴.

Таким образом, Павла Петровича и Николая II объединяет:

- царский сан;
- насильственная смерть;
- противодействие врагов («жидов»);
- приобщение к некоему сакрально-профетическому знанию (пророчество легендарного Авеля).

Необходимая корреляция двух персонифицированных концептов «Царь-предтеча» (Павел I) и «Царь-искупитель» (Николай II) благодаря этому оказывается достигнутой, и теперь уже можно открыто объявить правление императора Павла «знамением» правления Николая II: «Малый, – значило имя твое, Царю Павле, во знамение подобия царства твоего царству последняго русскаго царя, Князя Великаго, стоящего за сынов народа своего. Сей будет избранник Божий и на главе его благословение. Он будет един и всем понятен, его учует самое сердце русское. Облик его будет державен и светел и никтоже речет: Царь здесь или там, но: это он: Аллилуиа»¹⁵. Отметим, что данный

текст содержит явную параллель с Евангелием от Луки 17:23: «...и скажут вам: вот, здесь, или: вот, там – не ходите и не гоняйтесь, ибо, как молния, сверкнувшая от одного края неба, блистает до другого края неба, так будет Сын Человеческий в день Свой».

Благодаря подобным параллелям царебожнический текст оказывается включенным в квазиновозаветный контекст, Николай II ассоциируется со Спасителем, а император Павел обретает мистико-символическое значение его предтечи. Подобная интерпретация святости Павла Петровича фиксируется и в царебожнических нарративах внелитургического характера: «В эту наступающую ночь с 24 на 25 марта (по старому стилю с 11 на 12) марта 216 лет назад в 1801 году в результате заговора в Михайловском замке в собственной опочивальне был злодейски убит Государь Император Павел Петрович, став предтечей царя-мученика Николая Александровича с семьей. Убиенный император Павел Первый сразу же стал почитаться в народе как мученик царского престола, как небесный ратоборец против революционной стихии. На его гробе происходили чудеса и исцеления, с его именем связаны пророческие знамения и видения»¹⁶.

Проведенные исследования позволяют сделать вывод о том, что в семиосфере царебожнического мифа кажущийся «неярким» и «неброским» образ царя Павла Петровича играет весьма важную, хотя и не ключевую роль. Для последовательных и убежденных царебожников культ императора Павла ценен тем, что благодаря ему активизируются герменевтические и семиотические механизмы, включающие тексты царебожнической ритуалосферы в новозаветный контекст и таким образом легитимирующие их. Павел Петрович интерпретируется как необходимый прецедент – «предтеча царя-искупителя», соответственно, ему приписывается важный, но все-таки не главный агиологический

¹⁴Акафист Святому царю и страстотерпцу Павлу Первому.

¹⁵Там же.

¹⁶Не забыть завет императора Павла. По материалам дневника поэта Рюрика Ивнева. URL: <http://otets-gennadiy.livejournal.com/273211.html> (дата обращения: 20.12.2017).

статус. Подобные герменевтическая и семиотическая стратегии обусловлены логикой развития семиосферы культа, требующей защиты от обвинений в неканоничности, еретичности и модернизме [17] со стороны иерархов канонической Церкви.

Апелляция к мифологизированному образу святого царя-мученика Павла Петровича позволяет фундировать культ царя-искупителя, создавая для него прецедентные основания, ощущение мнимой традиционности.

Список литературы

1. Плякин М.Е. Искажения церковного предания в неканоничных богослужебных текстах на примере почитания святых царственных страстотерпцев // Церковь и время. 2014. № 2(67). С. 103–126.
2. Митрофанова А.В. «Политическое православие» и проблема религиозности // Философия и общество. 2006. № 1. С. 78–95.
3. Зыгмонт А.И. О феномене «царебожия» в современной религиозной культуре России // Вестн. РГГУ. Сер.: Культурология. Искусствоведение. Музеология. 2012. № 11. С. 138–145.
4. Чумакова Т.В. Представление о царской власти в среде современных православных маргиналов // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6: Философия. Культурология. Политология. Право. Междунар. отношения. 2013. Вып. 3. С. 61–65.
5. Никольский Е.В. Ересь царебожия как «реинкарнация» культа деизированных правителей древнего мира // Studia Humanitatis. 2014. № 3. С. 11.
6. Кнорре Б.К. Движение за канонизацию Ивана Грозного и православно-монархический цезаризм // Религия и российское многообразие / науч. ред. и сост. С.Б. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2011. С. 503–528.
7. Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России / отв. ред. и сост. С.Б. Филатов. М.; СПб.: Летний сад, 2002. 488 с.
8. Костюк К.Н. Православный фундаментализм // Полис (Полит. исслед.). 2000. № 5. С. 133–154.
9. Хвалин А.Ю. Пасха Императора. Материалы к житию Царя-мученика Павла I Петровича. М.: Кругъ, 2008. 160 с.
10. Летина Н.Н. Аксиологические акценты личностного опыта («русский Гамлет» Павел I) // Ярослав. пед. вестн. 2016. № 6. С. 343–349.
11. Карандашов В.Д., Лебедев В.Ю. Прологомены семио-герменевтического религиоведения // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2017. № 3. С. 124–133.
12. Филюшкин А. Преужасная перемена. Почему русское общество не приняло павловских реформ? // Родина. 2011. № 7. С. 15–18.
13. Колзина П.В. Образ Павла I в городском фольклоре // Тр. ист. фак. С.-Петерб. ун-та. 2012. № 11. С. 45–51.
14. Лукьяненко А.А. Мифологический и сакральный аспекты образа русского правителя: историософский анализ // Путь науки. 2014. Т. 2, № 9(9). С. 10–14.
15. Прилуцкий А.М. «Святой старец Григорий Новый»: категориальная семиотика образа // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 19. С. 124–130.
16. Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. Имя святого и его семиотическая специфика // Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер.: Философия. 2017. № 2. С. 100–107.
17. Головушкин Д.А. Религиозный фундаментализм / религиозный модернизм: концептуальные противники или амбивалентные феномены? // Вестн. Правосл. Св.-Тихон. гуманит. ун-та. Сер. 1: Богословие. Философия. 2015. Вып. 1(57). С. 87–97.

References

1. Plyakin M.E. Iskazheniya tserkovnogo predaniya v nekanonichnykh bogoslužebnykh tekstakh na primere pochitaniya svyatykh tsarstvennykh strastoterpcev [Distortions of the Church Tradition in Non-Canonical Liturgical Texts Illustrated by the Veneration of the Imperial Passion-Bearers]. *Tserkov' i vremya*, 2014, no. 2, pp. 103–126.

2. Mitrofanova A.V. “Politicheskoe pravoslavie” i problema religioznosti [“Political Orthodoxy” and the Problem of Religiosity]. *Filosofiya i obshchestvo*, 2006, no. 1, pp. 78–95.
3. Zygmunt A.I. O fenomene “tsarebozhiya” v sovremennoy religioznoy kul’ture Rossii [On the Phenomenon of “Tsarebozhie” in Russia’s Contemporary Religious Culture]. *Vestnik RGGU. Ser.: Kul’turologiya. Iskusstvovedenie. Muzeologiya*, 2012, no. 11, pp. 138–145.
4. Chumakova T.V. Predstavlenie o tsarskoy vlasti v srede sovremennykh pravoslavnykh marginalov [Tsar Power as Approached by Contemporary Orthodox Outcasts]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 6: Filosofiya. Kul’turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2013, no. 3, pp. 61–65.
5. Nikol’skiy E.V. Eres’ tsarebozhiya kak “reinkarnatsiya” kul’ta deizirovannykh praviteley drevnego mira [The Heresy of Tzarebozhie as the “Reincarnation” of the Cult of the Deified Rulers of the Ancient World]. *Studia Humanitatis*, 2014, no. 3, p. 11.
6. Knorre B.K. Dvizhenie za kanonizatsiyu Ivana Groznogo i pravoslavno-monarkhicheskiy tsezarizm [Movement for the Canonization of Ivan the Terrible and Orthodox Monarchist Caesarism]. Filatov S.B. (ed.). *Religiya i rossiyskoe mnogoobrazie* [Religion and Russian Diversity]. Moscow, 2011, pp. 503–528.
7. Filatov S.B. (ed.). *Religiya i obshchestvo. Ocherki religioznoy zhizni sovremennoy Rossii* [Religion and Society. Essays on the Religious Life of Modern Russia]. Moscow, 2002. 488 p.
8. Kostyuk K.N. Pravoslavnyy fundamentalizm [Orthodox Fundamentalism]. *Polis (Politicheskie issledovaniya)*, 2000, no. 5, pp. 133–154.
9. Khvalin A.Yu. *Paskha Imperatora. Materialy k zhitiyu Tsarya-muchenika Pavla I Petrovicha* [The Emperor’s Easter. Materials on the Life of the Martyr Tsar Paul I of Russia]. Moscow, 2008. 160 p.
10. Letina N.N. Aksiologicheskie aktsenty lichnostnogo opyta (“russkiy Gamlet” Pavel I) [Axiological Accents of Personal Experience (“the Russian Hamlet” Paul I)]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*, 2016, no. 6, pp. 343–349.
11. Karandashov V.D., Lebedev V.Yu. Prolegomeny semio-germenevticheskogo religiovedeniya [Prolegomena of Semio-Hermeneutic Religious Studies]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2017, no. 3, pp. 124–133.
12. Filyushkin A. Preuzhasnaya peremena. Pochemu russkoe obshchestvo ne prinyalo pavlovskikh reform? [A Terrible Change. Why Did Not Russian Society Accept the Reforms of Paul I of Russia?]. *Rodina*, 2011, no. 7, pp. 15–18.
13. Kolzina P.V. Obraz Pavla I v gorodskom fol’klore [The Image of Paul I in Urban Folklore]. *Trudy istoricheskogo fakul’teta Sankt-Peterburgskogo universiteta*, 2012, no. 11, pp. 45–51.
14. Luk’yanenko A.A. Mifologicheskiy i sakral’nyy aspekty obraza russkogo pravitelya: istoriosofskiy analiz [Mythological and Sacral Aspects of the Image of the Russian State Leader: Historiosophical Analysis]. *Put’ nauki*, 2014, vol. 2, no. 9, pp. 10–14.
15. Prilutskiy A.M. “Svyatoy starets Grigoriy Novyy”: kategorial’naya semiotika obraza [Categorial Semiotics of the Image of “Holy Elder Grigori Novyi”]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Politologiya. Religiovedenie*, 2017, vol. 19, pp. 124–130.
16. Lebedev V.Yu., Prilutskiy A.M. Imya svyatogo i ego semioticheskaya spetsifika [The Name of Holy Man and Relevant Semiotic Specificity]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Filosofiya*, 2017, no. 2, pp. 100–107.
17. Golovushkin D.A. Religioznyy fundamentalizm / religioznyy modernizm: kontseptual’nye protivniki ili ambivalentnyye fenomeny? [Religious Fundamentalism / Religious Modernism: Conceptual Adversaries or Ambivalent Phenomena?]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 1: Bogoslovie. Filosofiya*, 2015, no. 1, pp. 87–97.

Aleksandr M. Prilutskiy

The Herzen State Pedagogical University of Russia; Russian Christian Academy for the Humanities;
nab. reki Moyki 48, korp. 20, St. Petersburg, 191186, Russian Federation;
e-mail: april@mail.ru

SEMIOTICS OF THE RITUAL SPHERE OF PAUL I MARTYR TSAR IN THE CONTEXT OF THE DIVINE TSAR MYTH

This article describes the results of a structural and semantic analysis of the cult of Emperor Paul I in modern marginal Orthodoxy. His cult correlates with a moderate form of contemporary veneration of tsar as God, which is of special scholarly interest. Some original mythologemes and theologemes are presented here, characterizing the different semiotic levels of veneration of tsar as God. In addition, the article contains an analysis of the special features of Emperor Paul's cult semiosis and its role in the formation of the "veneration of tsar as God" discourse as such. The author studied the structural relations between theologemes and mythologemes of the "Emperor Paul's Myth" in the context of the discourses of veneration of Ivan the Terrible, Emperor Nicholas II and the "Iron Emperor" Josef Stalin. In view of this, the author analysed the texts of non-canonical akathists and revealed the specifics of the symbolic structures of Emperor Paul's ritual sphere as well as the specifics of his hagiological status in marginal Orthodoxy. Moreover, the article demonstrates that new axiological attitudes (which combine elements of mythologemes and theologemes) have been formed, producing this special status of royal holiness. According to these ideas, the revered rulers have acquired their holy status not so much by conforming in their life and death to the traditional Orthodox hagiological canons, but rather due to their royal title. A concept is formed that the tsar is divine *a priori* and any action directed against him is a form of theomachism.

Keywords: *Emperor Paul I of Russia, marginal Orthodoxy, modern Orthodoxy, royal holiness, veneration of tsar as God.*

Поступила: 22.11.2017

Принята: 30.03.2018

Received: 22 November 2017

Accepted: 30 March 2018

For citation: Prilutskiy A.M. Semiotics of the Ritual Sphere of Paul I Martyr Tsar in the Context of the Divine Tsar Myth. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2018, no. 4, pp. 129–138. DOI 10.17238/issn2227-6564.2018.4.129